

Александр Евгениевич Владыкин

За гранями времён и миров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36076371

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1916-1

Аннотация

Когда не получается с перемещением в прошлое, надо что-то делать. А как хочется самому заглянуть в историю, хоть одним глазком.

Александр Владыкин

За гранями времен и миров

Часть 1

Глава 1. Иволгина запруда

Третий день плыли трупы. Мякоша не пускал детей на реку. В этом году вода пошла рано, вместе со снеговой кашей, лед был красен от крови. Не князь правил Русью, ведьма! Города и сёла вымерли, не дожидаясь войска. Ведьма жила в душе Владимира, она пила кровь русичей. Как смерч, проходили ратники, оставляя после себя разорение, за ратниками шли возы с домашней утварью. Над разрушенными избами долго тлели угли и летали искры. Народ не принял нового бога, и избавлением ему была смерть. И князю, рождённому от рабыни, народ не хотел подчиняться. Мякоша, ещё по осени, вывел свою семью тайной тропой в болотах, на Иволгину запруду, туда где не каждый рискнёт появиться. Это место покинули бобры, лет 200 назад, никто из зверя не живёт там. Только большие водяные змеи и комары. Один раз, в детстве, он со своим дедом прошёл по этой тропе к Иволгиной запруде. Ею пугали матери своих детей. Но Перун раз спас их тогда, может и этот раз лихо мимо пройдёт. Мякоша верил богам, и они хранили его семью. Он не понимал, как

так могло случиться, что князь отказался от своих добрых богов, ради иноземного чужого, проклятого людьми. Князь всю страну утопил в крови, он всю жизнь будет проклят народом, Род дал ему хромого и болезненного сына – Ярослава, который, как кукушка убьёт всё семя Владимирово. Так говорил Волхв, Мякоша помнил его слова. Припасов должно хватить до лета, за болотом Тёмный лес полный зверя и река, отгороженная запрудой и оврагами. Дети помогли землянку выкопать, посреди из камней выложили огневицу. Мякоша из дерева сделал Рода, жёны по ночам читали молитвы поминая всех богов, Правь, Явь, Навь! Глаза детишек блестели в ночи, отражаясь бликами огня от костра. Мякоша не мог успокоиться, старших сыновей послал в дозор. Они видели людей, те, как звери, боялись и прятались друг от друга. Пришли тати, разграбили то, что осталось в селении, детишек малых и женщин увели в полон. Пустошь стала на речной земле. Перун отвернулся от народа, не сумевшего защитить себя. А теперь и помолиться богам некому, все ушли за водой – жертвой новому богу лиходею. Будь проклят Владимиров род! Мякоша вспомнил Волхва, его не было в пещере, Мякоша успел забрать его волшебную чашу и хрустальный шар, подаренный самим Родом. Он спрятал эти вещи от детей в старой норе барсука, накрыв берестой. Он никогда не открывал короб, то, что принадлежало богам, не достойно смерда. Мякоша боялся, чтобы эти ценности не попали в чужие руки, и чтобы до них не добрались дети. Собирая

валежник и сухие ветви, они запросто могли найти клад отца. Мякоша засыпал и заложил диким камнем вход в нору. Один из сыновей был в дозоре и всё видел. Для него это было странно, он не придал этому особого значения, но запомнил место, где отец провёл обряд таинства, защищая семью.

Ворон бродил по заросшему полю в окружении, белеющих на солнце, костей. Падалыщиков среди зверья было немного, мелкие муравьи доедали то, что находили в расщелинах грудных клеток скелетов. Верс собрал оружие руссов. – Глупые люди. Злой народ. Уже друг друга убивают. Среди скелетов, по обрывкам одежды, он узнал Волхва – колдуна соседнего племени. Волхв знал язык пруссов и через него велись все переговоры о пошлине и торговых днях. Пруссы тоже жили на реке, в трёх конских переходах, их язык был смешной, но похож на наш. Мы не лютовали между собой, но ходили с синяками. Истории про кулачные бои на торговых площадях переходили в былины. Били мы, и нам доставалось. А, сейчас и драться некому, все здесь лежат... Земля никогда не пустует, пруссы пришли на смену этим сумасшедшим и когда дружина князя появилась в этих местах, дали отпор. Князь не дождался посланного войска, еще три раза он посылал рать, они подвергались ночным атакам проходя через земли чуди, мери, балтов, тело ратника гнило от малейшей раны, от комаров и оводов спасения не было. Через леса идти гнило было, поэтому войско переправлялось на стругах по воде. Половину людей теряли сразу, от

речных ловушек аборигенов. Местные жители мстили за насилие над жёнами, за детей, уведённых в холопы, воины сжигали поселения. Страха у народа уже не было, и как бы не удалы были люди князя, из двух-трех сотен ратников, возвращались единицы больных, никчемных людей. Они харкали кровью и долго не жили, унося к Нави, приютивших их. До князя дошли слуги о поганых землях, в которых люди пропадают зря, в наказание за княжескую несправедливость и уничтожение народа. Князь поспешил в недостроенный собор, замолить свои грехи. Владимир «Красное солнышко» назовут его историки, заменив сладкой лестью его истинное предназначение. Хорошие люди не живут долго, боги прощают им грехи и забирают к себе. Князь правил вечно, Навь наказала его жизнью, он так и не смог откупиться за сотворённое им зло. Князь умер, целую ночь в полатах кто-то хохотал, люди боялись говорить, а утром послали глухонемого холопа. Он выскочил в ужасе и упал замертво перед жёнами князя. Сердце не выдержало такого видения: на широкой княжеской скамье лежала голова правителя и рука, вернее кисть с отрубленными пальцами, остался только тот палец, которым он крестил погубленных людей. Голова смеялась и пыталась взлететь в воздух, но Род остановил упыря. Князя похоронили тайно, закопав голову с кистью в яму, как собаку. Сын рабыни сделал своё поганое дело, утопив в крови свой народ, ради сказки, придуманной чужаками.

Огнём по реке, в последний путь дети отправили отца. Взрослые сыновья взяли жён из племени пруссов, в Иволгиной запруде остались только старые матери и трое пришлых детей. Их передали болгары, торгующие конями вниз по реке. Земли тихонько наполнялись пришлым народом, внося свои коррективы в язык и веру русичей. Двое болгар отстали от обоза и создали своё поселение на берегу реки. Один из них взял в жены дочь Макоши, он и командовал похоронной процессией отца. Когда тело на специальном плоту выплыло на середину реки, старший сын пустил огненную стрелу и Род забрал Макошу в свой дом. Сразу опустела Иволгина запруда, заголосили жёны, заплакала детвора. Зерно было на исходе и часть женщин пришлось продать свенам, каждый брат имел свой род и старшим в Иволгиной запруде стал один из сыновей Макоши. Гера, с детства пропадал в кузне у болгар, перенял их язык и обычай. Это был тот малец, что был в дозоре, когда отец закладывал камнями барсучью нору. Жены он ещё не нашёл, да и рано было ещё. Хотел он мир повидать. Случилось так, что он увязался с торговыми людьми на стругах, вниз по течению, те и рады были даровому гребцу, плыли они к морю, там дороже можно было продать мёд, воск и шкуры соболей и бобров. Гера впервые город увидел, там было так много людей и все спешили куда-то, как на войне. Про битвы ему болгары рассказали, только в битвах людей было меньше, чем в этом городе. Пока купцы товар продавали, меняли воск на железо, Гера весь город ис-

ходил. Кроме русских воевод, здесь были варяги, разговаривавшие на непонятном языке, чудь, меря, город принимал всех, только непонятно, как общаться с ними, если они разговаривали на непонятных языках. Для купцов единственным языком был, язык драгоценного металла. Здесь, впервые, Гера увидел драгоценные изделия и ювелиров, их производящих. Загорелись глаза молодого кузнеца, тоже хотелось камни в золото научиться вставлять и цепи красивые на шею делать. Он пытался предложить ювелирам свои услуги, но те не понимали его, улыбались и хлопали по широким плечам. Гера не знал, что это был семейный бизнес и вся работа золотых дел мастеров была тайной. Они не брали учеников со стороны. Маленький вертлявый смуглый паренёк приглядывал за Русичем. Он незаметно влился в товарищи к простоватому кузнецу и ему удалось напоить его хмельным напитком. Гера, с тяжёлой головой, проснулся в море на драккаре викингов, судно шло под парусами, вокруг находились взрослые войны и на Русича они смотрели, не как на добычу, громко разговаривали и смеялись, показывая на него пальцами. Гера попытался подняться, и упал, вызвав смех наблюдающих громил. Его пожалел худой человек с бородой, подал пареньку жбан с клюквенным морсом. Под дерюгой кто-то заворчался, появилось вытянутое лицо его вчерашнего друга. На корабле вновь поднялось оживление. – А, мы тебя Карлос потеряли. Думали вместо себя, ты прусса послал служить Одину. Тот тоже недавно очнулся. Карлос что-то бурк-

нул в ответ и снова зарылся в тряпье. К Гере подсел толмач, попытался разговорить, агрессии к пленнику никто не проявлял, его никто не воровал, не арестовывал, он сам ночью пришёл с Карлосом, а утром дракар отчалил по приказу конунга, их нашли далеко от берега, корабль два часа, как был в море. Толмач немного знал прусский, он и стал обучать Геру датскому. Гере показался язык команды тяжёлым и грубым, но человек привыкает ко всему, его на корабле никто не обижал и не унижал. Эти люди подчинялись конунгу и были закреплены за кораблём, пока в походе, а дома – у каждого была семья, земля и грозные викинги, отдавая дань тренировкам с оружием, успевали вспахать, посеять и собрать урожай. Почти у каждого викинга были работники, но народ на островах жил за счёт набегов и захваченной добычи. Земля не давала умереть с голода, в тяжёлые времена, но и никогда не была опорой для викинга, презирающего труд смерда. Рабства не было, невольник не считался рабом, он даже мог жениться на дочери хозяина. Но редко какой невольник становился викингом. Гера не был невольником, под статусом друга он вошёл в семью Карлоса и был закреплён за кораблём конунга Олафа, из прусса был отменный гребец и в походе кузнец нужен. Зимой хватало забав, самые отчаянные собирали войско для набегов, по льду добираясь до земли и совершали длительные многодневные переходы, опустошая села и города соседей. Добыча стекалась на острова. Другие занимались ловом рыбы, Карлос любил охоту и несмотря на

малый рост и сравнительно небольшие габариты, без туши медведя никогда не приходил. Гере община построила кузню, он и пропадал в ней, применяя смекалку, пытался из камней, золота и серебра сделать что-то подобное, виденное в городе. Викинги привозили из походов много инкрустированного оружия, несли в кузню его для переделки. Гера и там находил для себя много занятного, застёжки, замки. Здесь он впервые столкнулся с тем, что со временем называли бронёй и булатом. Потихоньку, слава о мастере-кузнеце распространилась далеко за пределы островов. Пошли заказы, а за заказами деньги. Пришло время, когда не выгодно стало привлекать кузнеца в походы. Потом умер отец Карлоса. Карлос был младший в семье, ему достался дом и старая мать, остальное всё растащили близкие родственники, он большую часть времени проводил в избушке Геры, которую тоже выстроила община. Мать со слугами жила в отчем доме, она ни в чём не нуждалась, её ещё девушкой викинги сняли с галеона, родной испанский язык она успела забыть, а датский, так и не выучила. Карлос был очень похож на мать, такой же смуглый и жилистый. Ему не нравился запах железа, он никогда не переступал порог кузницы, ему больше по вкусу был экстрим, а Гере не нравилась охота, зато на тренировках они не уступали друг другу: один сильный и неуклюжий, как медведь, другой гибкий и цепкий, как удав. Побеждала всегда дружба, и оба воина, разгорячённые сражением, бросали на землю деревянные мечи и бежали к водопаду. Холодная во-

да сбивала их пыл.

Этот раз опять пришли чужие. Люди реки не успели подготовиться к отражению битвы. Многих убили во сне. Их говор был не похож на диалекты нашего народа, они были в красивых латах, но столь же жестоки, как норманны, им не нужны были люди, они вырезали всех на своём пути. В Иволгиной запруде удалось спрятаться детям болгарина. Динко и Любель – единственно, кто остался в живых из людей реки; земля, окруженная непроходимыми болотами, приняла их. Динко нашёл старую барсучью нору, разрыл её и вытащил сгнивший короб. В нём был шар, из горного хрусталя, что само, по себе, редкость для этих мест, и плоскую пластину из непонятного металла. Динко искал еду, шар был красивый, но сейчас не время игрушек. Мальчик, с разочарованием, оставил всё на поверхности, эти вещи не представляли никакой ценности для голодного мальчугана. Он убежал на болото, проверять ловушки на угрей, только благодаря рыбе-змее они выжили.

Войны установили лагерь, на берегу, недалеко от разрушенного селища, выкопали ров и каждую ночь ставили караул на вышке. В одну из ночей, тени переплыли наполненный водой ров, убили стрелой караул и вырезали большую часть отряда. В живых из двух сотен, осталось 32 солдата. Римляне отступили, они ушли из этих мест, оставив после себя развалины и угли. Больше у реки никто не селился. Видное

и неудачное место было. Дети не выходили из болот, мальчик иногда охотился в лесу, приносил птицу, пойманную в силки. У него ещё не хватало силы натянуть лук. К детворе из леса прибилась немая девочка, лет 16, так они втроем и скоротали зиму. Зима была лютая суровая с метелями и выюгами, от мороза, даже незамерзающие болота промёрзли так, что летом лёд выходил из – под, кочек. Маленький родничок бил из старого дерева, его хватало и для детей, и для животных. Развелось много медведей, они боялись к болоту подходить, а в лесу Динко не трогали. Еды для мишек было много, они привыкли к мальчонке, он был, как бы, свой. Он даже задерживался иногда, заигравшись с медвежатами. Динко только волков боялся, они были чужими, пришедшая стая. Немую называли Тала, она помогала малому рыбу ловить и Любели костёр поддерживать, боялась только всего и не разговаривала. Раз разбудила детей ночью зимой. Вдоль землянки кто-то ходил. Отчётливо был слышен скрип шагов и какие-то мерзкие крики. Динко выглянул в щель двери, это была взрослая рысь. Это уже было опасно. Динко два дня колья строгал, для костюма от рыси для себя и Талы. На третий день вышли, рысь не осмелилась напасть на две колючки с дубинками, всё ходила кругами, тогда дети с криком и шумом прогнали её. Рысь ещё несколько раз приходила, а потом пропала. Летом Динко нашел часть её шкуры, рядом лежал сломанный клык кабана. Три зимы прошло с тех пор, пока их не нашёл Гера и не забрал с собой. Гера привозил

товар в город и узнал о событиях на реке. Обитатели Иволгиной запруды пообносились все, Гере пришлось приодеть их малость с запасом, Тала такой красивой стала, как будто и не было болот и чадящего очага. От детей пахло горном, Гера скучал по кузнице. Торговля шла плохо, народ обнищал от набегов. Римляне прибыли на пяти диерах (галеры с парусом), горожане рассказывали, как они ограбили город, когда плыли назад, после того, как потеряли людей в верховьях реки. Сама река была против их вторжения. На вёсла у них солдат не хватало, а из горожан были плохие весловые, ни кнут, не пряник не помогали. Они с собой взяли самых крепких, но, бог Один, натравил бурю и от шторма погибли все в море, от кораблей римлян не осталось и щепки. Никто из наших парней не уцелел. Гера усмехнулся, викингам приходилось сталкиваться с римским войском, те применяли хитрые тактические построения, названные именами животных, Гера немного усовершенствовал кистень и под напором варваров разбивались щиты и трескали головы, спрятавшихся под «черепашьей» и выстроившихся «свиньей». Командующие легионами консулы, с недоумением смотрели, как таят их войска, и тактика римлян терпит крах. Римлян было больше, они были организованней, но Геру интересовал металл, на римских воинах было много меди, даже их щиты были оббиты этим металлом. Железо было прочнее, но и оно не спасало легионы. Детям нравился город, Гера вспомнил, как он в первые вышел на причал и с викингami дошёл до площади,

там был бассейн с фонтаном, это было такое чудо! Горячие головы приходили на корабль викингов, предлагали деньги за Талу. Купить и продать женщину не было необычным в этом городе. Многие покупали жён, невест, любовниц, женщина на севере была товар и имела цену которую согласен ты заплатить. В мире, где человеческая жизнь стоила дешево гвоздя, люди, доведённые до отчаянья голодом, продавали своих детей, лишь бы отсрочить их смерть. Талу выкрали норвеги, но она уже умела постоять за себя, Тала вырезала охрану их же ножами и ночью вернулась на корабль. Жалко, ничего рассказать не могла. Норвеги утром большой толпой, подвалили к пристани, это дело закончилось потасовкой, нашей охране впору было размяться. Гера не знал, зачем он захватил содержание короба из барсучьей норы. Наверное, как память о родине. Он вспомнил отца. Со всего рода он остался один, а их было около 30 родных братьев и сестёр. Корабль ушёл в море, оставив за бортом грустные воспоминания Русича. Динко и Любель вертелись перед бортом и при появлении любого морского животного над кораблём разносились детские крики. Старые викинги улыбались, вспоминая свои семьи, их дома тоже ждала детвора, каждый дан приготовил подарок для всех членов семьи. Тала страдала от морской болезни, её чаще можно было встретить на корме. Она первая увидела чужой корабль и позвала меня, я отдал распоряжение спустится в трюм и достать сигнальные факелы и корабельный рожок. Утренний туман, полностью скрыл

корабль, с носа судна не видно было, что творится на корме. Викинги зажгли факелы, у рожка был громкий неприятный звук, напоминающий крик лося в брачный период. С перепугу проснулся весь корабль. Дети выскочили на палубу, умыться не надо было, туман умыл. Они побежали к Тале, на болотах никогда не было такого густого тумана, хоть ножом режь. Корабль догнал нас, его хозяин выслал лодку. На борт поднялось три человека, все они были шведы. Наш толмач легко ориентировался в северных наречьях. Шведы спросили нет ли у нас лекаря и попросили трав от морской лихорадки. Я дал команду лучникам, опустить оружие, один из викингов вынес набор трав, их держали для остановки крови. – Вот, всё, что у нас есть, я поделился двумя бочонками английского эля, говорят, помогает. И гости покинули судно. Я знал, что они не дойдут до своего порта, бог Один, наказал их болезнью, от которой нет спасения. Их ждут океаны Хильхейма. Корабль медленно передвигался вдоль берега, вышла луна, туман стал реже, опадал большими хлопьями в воду, разрезаемый носом дракара. До островов был один переход, через сутки мы будем дома.

На берегу нас никто не встречал, это было странно: никогда такого не было. Охотник имел лучшее зрение и когда увидел развешанные тряпки над домами, завыл зверем, выкидывая подарки для детей за борт. В посёлке была болезнь, она съела всех людей, не считаясь с возрастом. Охотник в

детстве перенес это, его лицо было, как решето мельника, всё в дырочках. Его я и отправил на разведку. Охотник выскочил на берег, пробежал по первым домам и подал сигнал, запрет на высадку. Никому не нужны были подарки и некому было радоваться нашему прибытию. Всё поселение было мертво, охотник остался похоронить данов по закону, предав огню, вместе с жильём. Когда мы отплывали от берега, разгорались первые жилища. На соседнем острове было тайное жильё, где мы прятали женщин и детей во время набегов. Оно находилось в таком месте, где сама природа скрывала людей. Люди, подчинявшиеся мне на корабле, после высадки были свободны, но все ждали моего слова и при выборе конунга они записали моё имя, и не смотря, на то, что я был моложе многих викингов, они выбрали меня главой клана. Было много мужчин, но мало женщин, вода уже начала схватываться льдом. Я собрал викингов и направил в набег за женщинами, тайно переговорив с главой похода, назначенным мной. Надо было расширять поселение, иначе нам не выжить, нужны были люди, нас было очень мало, для того, чтобы противостоять набегам соседей, те тоже не прочь были поделиться нашим добром. Особо досаждали норвеги, они считали себя главным народом, любимцами богов, а мы – мусор, плавающий на воде. Я просил одного: применять все возможные способы в уговорах людей, но не применять силу; из раба не получится воин, он тебя предаст и перейдёт в услужение более сильному и удачному

господину. Я не хотел ударов в спину, боялся потерять то, что есть. В поселении, кроме меня с детьми, осталось пара старых викингов, которым бывшие раны не дали отправиться в поход. Отряд викингов, как стая голодных волков, шёл по льду, в сторону материковой земли. Этот раз не повезло балтам, отряд направлялся к ним, туда, где были самые красивые женщины побережья. Тала пришла ко мне ночью, мы стали с ней жить, как муж и жена. Прошли годы, пока я научился понимать её и узнал, что с ней случилось в детстве. Тала была из балтов, она не помнила, кто напал на их селение, мать успела спрятать её под лавку и попросила, чтобы она, что не случилось – молчала. На глазах девочки убили всю семью, что-то отключилось в голове, Тала молчит до сих пор. Она не помнит, как оказалась в лесу, она мало помнит из того, что было. Нас было мало, детей ещё меньше. Но тренировки с оружием не заканчивались, каждый день, до полудня дети отрабатывали удары под присмотром печника и кормчего, такие клички были у стариков. Им не было ещё 50 лет, но боевых ран и отметин на теле было гораздо больше. Сплошные шрамы. Потом все разбегались по своим делам – Кормчий брал сети и шёл к морю, он умудрялся даже в единственном ручье, уходящем в пещеры маленькими водопадами, собирать живых ракушек и ловить речную рыбу. У него была специальная пещера, где печник выложил коптильню. На этом острове была соль, которую нужно было варить, чтобы убрать лишнюю грязь и горечь. Плохо, что ост-

ров был маленький, на нём не было, почти, растительности, был труднодоступен с моря из-за мелей и множества скал и камней, торчащих из толщи воды. Он не привлекал внимание проходящих кораблей, и был надёжной защитой для викингов. Печнику досталась неблагоприятная работа: он собирал яйца морских птиц, и очень боялся не упасть со скал, а за свои глаза. Птицы нападали на него стаями и гнали до самого дома. Любель помогала Тале в приготовлении пищи. Я обычно работал в кузне, два раза ходил по льду, на старое жильё, вместе с Динко. Мы перенесли весь кузнечный инструмент, меха, и часть металла. Охотника нигде не было, он спалил все дома и засыпал колодец. Охотник пришёл к нам на третью зиму с женой, с новой женой. Она была чёрная, как смоль и кожа её отдавала смуглотой, и блестела на солнце, как намазанная сажей. Женщина была беременна, и если бы не этот случай, то охотник бы не пошёл к нам. Он совсем не разбирался в бабских делах, а в лесу помочь в родах некому. Я налил охотнику эля из корабельных запасов. Охотник рассказал, как после смерти отца, соплеменники обвинили мать девушки в колдовстве, и выгнали из поселения. Они нашли место в лесу, в долине четырёх ручьёв, с этого места начиналась река, наша река, на которой я был рождён. Охотник шел умирать, никто не знает, сколько он был в беспмятстве, Зухра нашла его и притащила в дом. Старая мать выходила викинга, но сама прожила не много. Мы похоронили её по обычаю её предков, наложив камней на могилу, она бы-

ла из страны скифов. Зухра хорошо разбиралась в травах, нам нужен был лекарь, только я попросил охотника никому не рассказывать, что жена из племени волхвов и сменить ей имя, на более привычное. Я не хочу, чтобы в племени начались распри, в которых обвинят твою жену и детей. Охотник понял и согласился. Народ его жену назвал Ольгой, это было датское имя. Прошло около трёх лет, мы уже мысленно похоронили свой отряд, ушедший в поход. Когда в один из летних дней Динко увидел много челнов, направляющихся к нашему острову. Они умело проходили естественные препятствия и в прикрытии прибрежных скал, причалили в той стороне острова, куда мы редко ходили. Это было абсолютно голое, скальное место. Я отправил женщин в дальнюю пещеру, сами с оружием встали на выходе. Девчонка с луком и стрелами была между нами. Печник наблюдал за высадкой, прибывших было более 80 человек, говорили на непонятном языке: датские слова мешались с инородными, ничего не понять было. Печник рассказывал, что они надолго прибыли, он слышал плач детей, они разгружают вещи. Лодки отчалили, а люди остались. К вечеру к пещерам подходило три человека, они демонстративно оставили оружие в 100 метрах от нашего присутствия и подняв руки, показывая, что в них ничего нет, стали приближаться к нашему убежищу, называя меня по имени: – Конунг Герд, конунг Герд. Я узнал их. – Да никак нашлась наша пропажа! Печник первым выскочил навстречу своему сыну. Мы обнялись. В наш дом пришел

праздник. Челны привезли ещё народ и утварь. Род вырос до 150 человек. На подходе был отряд прикрытия, 100 человек мужчин и женщин. Лодки отправились за ними. В старом поселении было около 2000 человек, 12 диер, и это в лучшие времена. В каждом походе терялись и люди, и корабли. Я, с дедами и охотником, смогли переправить пять диер в надводные пещеры острова, остальные, что не помещались, пришлось затопить. Народ разместили в пещерах, как смогли. Теперь можно было не прятаться, людей было достаточно, чтобы дать отпор.

Гельмут, сын печника, рассказал о злоключениях отряда. На их пути встречалось много пустых поселений, а если и были люди, они пропадали, прятались, опережая разведку отряда. Гельмут говорил, что заставляли накрытые столы, с горячей пищей, а людей не было. Мы не знали, что перед нами прошли тевтоны, а у балтов с ними отношения такие, как у нас с норвегами. Всю жизнь живут по соседству, всю жизнь воюют и не любят друг друга. Нам не везло с самого начала похода, несколько раз отряд обстреливали в лесу, викинги получали неприятные раны. Не могли найти проводника, плутали в болотах. Чем больше уходили вглубь территории, тем больше было сопротивление. Наконец нам повезло. Поселение было пусто, но в домах были подвалы с крепким ягодным хмельным напитком, копчённые окорочка, подвешены к потолку и хлеб, настоящий скандинавский хлеб. Местные жители, убегая, не успели захватить ничего.

В хлеву орала голодная скотина, по дворам ходили полудикие гуси, с обрезанными крыльями. Они – то и дали настоящий отпор нашему войску. В подвалах было полно солёных грибов и сушеных ягод, стояли кадки с клюквенным морсом, с мёдом. Селение было из богатых, не тронутое набегамии вояк. Какой викинг не любит выпить и вкусно поесть. На третьи сутки мы проснулись под землёй, в железных клетях и кандалах. Голова не болела, видно вино не было отравлено, но было обидно, так глупо попались, весь отряд. Мы были прикованы к подземной скале, нас никто не охранял. А, зачем? Время от времени, раз в день, бросали объеденные кости и как животным выливали помои в чан. Самое обидное было потом, когда мы узнали, что попали в плен племени, где были одни женщины. Мужчин забрали на войну, и они не вернулись. Нас хотели сразу убить, но отговорила королева, мы не были похожи на тевтонов. Нас решили использовать в качестве рабов. Потом дети пошли. Племя называло себя этлы, но язык был прост, легко поддавался изучению, через год мы начали забывать свою речь. У балтов свой обмен информации, они все друг другу родня. К королеве ночью приискал конник и сообщил, что тевтоны на эстов войной пошли, а это через наши земли. Целую ночь мы прятали добро, а под утро ушли с этой земли, с надеждой переждать лихое время, и может быть – вернуться назад. За нами увязался отряд тевтонов, пришлось дать бой. Извини, но тевтонов я агитировать не стал, а тех, кто с нами увязался, привёл. Их

шатёр на берегу, я не стал их вести в тайное место. В основном, это дети и женщины. Я попросил его о встрече с королевой. Нам было о чём поговорить.

Глава 2. Лабиринты Хроноса

Всё лопнуло. Последний раз заплатил за квартиру. Денег не было. Осталось всё продать, что можно, ещё пол месяца, перейти на хлеб и кефир. А потом... Обидно. Двадцать четыре года... Водка кончилась, хотелось есть, а дома даже макароны сухой не было. Я с размаху запустил пустую бутылку в шкаф – автомат продажи пиццы. Заревела сигнализация, я успел захватить несколько брикетов и побежал за мусорные баки, там отодвигалась доска в заборе. Я родился и вырос на этом краю. На этот раз я немного просчитался, доску загораживал мелкий, лет 12. Голос такой противный, писклявый, хорошо, что не мой брат, убил бы. Я постарался его отодвинуть, знал, что приедет полиция, мне то с ней встречаться не хотелось. Мелкий вытащил что-то из кармана, дальше были бенгальские огни. Я ничего не помню. Очнулся в чужой квартире, передо мной стоял взрослый в свитере и пацан. Пацан открывал джин тоник лимонный, мой любимый и подавал мне, банка за банкой, пока пузыри из носа не стали лезть, и я начал немного соображать. Вроде кроме головы, ничего не болело. Значит не аварии, не контузии. Что этим дебилам от меня нужно, у меня ничего нет, я даже за джин

тоник, кроме спасибо, ничего не могу заплатить. Взрослый стоял, как овощ, перебираясь с ноги, на ногу. Инициатива принадлежала ребёнку. Он быстрее уловил, что я пришёл в себя. – Дэн, я рад, что ты вернулся в наш мир. Его слова проплыли мимо моих ушей, в кулаке ещё был кусок пиццы, я потянул её в рот, с грязью, с мусором. – Ой, я совсем забыл! Взрослый очнулся и подал мне кастрюлю, наполненную шашлыком, а малой достал из морозильной камеры две, запотевшей от инея, «Балтики». Семёрка. Я подумал, что попал в сказку, после которой будет приговор и палач, с эшафотом. Я знал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке и готов уже был биться до последнего. Жизнь уже почти вернулась в русло. Я доедал последний шашлык на будущее, он не хотел лезть в мой желудок, а я стеснялся его засунуть в карман. Наконец я его проглотил и начал икать, это с детства у меня так, как переем, ничто не помогает. Малый назвался Владом, а старик, наверное, Хоттабыч. Влад решил меня огорошить так, что у меня икота пропала, он предложил мне работу. Я спросил: – Сколько? Малой ответил: – обижен не будешь. – А, делать то, что надо? Вмешался старший, его Алексеем звать: – Ничего. Раз в неделю информацию снимать будем. Влад на бумаге написал цифру с пятью нулями, я решил поторговаться, цифра сразу уменьшилась на ноль, я понял, что не я играю, меня играют, и если не хочу, потерять больше, то лучше не выкаблучиваться. 80000 деревянных была не плохим заработком для наших мест. Осталось

изучить документы и подписать контракт. Мне выдали пакет документов, аванс, в счёт благотворительности и назначили встречу, через три дня. Я пошутил: – А, если не приду? – Придёшь, – ответил малой, – прибежишь. Он был прав, с работой был полный швах, а кредиторы не вечны, да их не осталось, ещё со школы. Меня с армии даже родная мать не дождалась, оставила ключ соседке и письмо на столе, что я взрослый и самостоятельный мальчик. За квартиру было уплачено вперёд на три года, а дальше крутись, как сам знаешь. Прав Владик – прибегу. Домой я доехал на такси, бросил документы в угол и завалился спать. Я провалялся целый день, и абсолютно забыл про эту встречу, если бы не наткнулся глазами на пачку документов. Чтобы их осмыслить, нужен был допинг. Странно, я впервые не чувствовал голода. В ближайшем супермаркете я купил пива и чипсов, на кухне включил холодильник. Документы читались легко, я чувствовал, что меня обувают, только не понимал где. Если честно, я заранее был согласен, если бы не эта работа, то хоть в петлю лезь.

Алексей Петрович преподавал на кафедре промышленной электроники. Он был кандидатом физика – математических наук, но пригодилось увлечение детства, и он пошёл на свободную вакансию, даже пробовал создать типа кружка или клуба по интересам, увлечь молодёжь своими идеями. Но видно, он объяснять не мог, кружок рассосался, в тече-

нии пары недель, а клуб так и не создавался, ходило по началу пара девиц, и то – ради зачётов. Зато институтские лаборатории были в его распоряжении. Никто никогда не спрашивал за перерасход средств на заказы оборудования и электроэнергию. Сторожа привыкли, что Петрович не вылезает из лаборатории. Он торчал у доски и писал и зачёркивал формулы. – Голова! – думали проходящие на цыпочках сторожа. – Голова! – соглашался с ними директор, и время от времени старался подкинуть премию не женатому преподавателю. Они вместе работали 15 лет, и Петрович мог выручить на любой кафедре. Этот раз у Алексея всё вышло, он три раза проверил математическое обоснование своей теории времени, его распространении, влиянии и обнулении. Он, наспех, написал программу и решил проверить на компьютере, исправив пару, допущенных им же ошибок, он понял, что сделал открытие. Машину времени в том фантастическом виде, что писатели подают человеку, создать нельзя, но есть другой путь. Лёша взялся за техническое исполнение своего грандиозного проекта. Его прибор походил на частотомер, с бегающей группой цифр, но это был передатчик импульсов времени, вернее даже трансивер, передатчик с приёмником. Два года, он тайком от всех, настраивал своё детище, ничего не получалось, он шёл по городу и разговаривал, спорил сам с собой, бил себя по щекам, как сумасшедший. Прохожие с опаской косились на седого дядьку. – Нужно, чтобы в прошлом были свои передатчики. Не может быть, чтобы до

человека не было других разумных форм жизни. Я не верю, что до меня никто не делал математический анализ времени. Вся моя работа чушь! Времени не существует, нам кажется, что мы живём. Петрович стал понимать, что такая категоричность к добру не приведёт. Ему пришлось создать индикатор, для определения устройств, откликающихся, на его трансивер. Ведь если в прошлом кто-то создал систему связи с будущим, то эти устройства обязаны быть и в настоящем. Это даже для Алексея казалось настолько запутанным и неправдоподобным, что даже несмотря на все математические исчисления и подтверждение компьютером правильности его теории, ему не верилось на положительный результат испытания индикаторов. Летом Петрович взял отпуск, за много лет, впервые, на все студенческие каникулы. Трансивер получился компактным, не более видеомаягнитофона, а индикатор вышел похожим на шариковую ручку, всё оборудование поместилось в дорожную сумку. Когда недалеко от Пятигорска, Петрович нашел первый приёмопередатчик, откликнувшийся на его сигнал, Петрович прыгал, как молодой баран. Он оказался прав. Только то что было в прошлом выглядело иначе, чем представлял себе учёный. Это была пластина, выполненная из непонятного сплава, и рядом лежал шар из горного хрусталя. Когда от электронного передатчика поступает сигнал, шар подымается и меняет цвет, в зависимости от импульсов. Таких устройств за лето учёный нашёл пять. Он все их оставил на своих местах, они были ма-

стерски спрятаны. Алексей решил поискать поближе к городу, чтобы разобраться, как оно работает. Главное, его теория была верна. Понадобилось ещё пять лет, чтобы Петрович разгадал принцип работы и взаимодействие двух трансиверов: электронного и чужеземного. Пришлось рассчитывать и добавлять ещё одну шкалу, калибровать которую придётся в момент эксперимента. Нужен был донор. Петрович уговорил сапожника соседа, за пару пузырей помочь ему с экспериментом, через месяц донор впал в кому, пришлось скорую вызывать. В этот период и появился Влад. Петрович проверял, этот парень был из детского дома, из неблагополучных, постоянно сбегал. Получилось так, он стал донором в наше время, им управляли из будущего. Послали его ко мне, чтобы я не наделал ошибок. Влад вывел из комы соседа, закодировал его на всю оставшуюся жизнь. Сапожник здороваться перестал и оббегал меня десятой дорогой. Потом Влад поменял половину моего приёмопередатчика, вставив детали, о назначении которых я не догадывался, откалибровал прибор, только не в годах, а в дюймах, так было в будущем принято. Для меня оставил таблицу перевода летоисчисления в дюймы. Просил минусами не увлекаться, там не люди, просто вы не поймёте друг друга и внесёте недоразумение в эту жизнь. Он объяснил, как работает эта система. Приёмопередатчиком является донор, он посредством трансиверов выходит на донора в прошлом. Здесь донора находишь ты, чтобы не путаться он один, в прошлом в каждом

времени свой донор, один дюйм соответствует физической жизни человека, с маленькой поправкой – не более 30 лет. То, что случилось с твоим донором (соседом сапожником) – видимо его напарник погиб, а разум находился в теле донора прошлого. Влад научил меня выводить людей из комы. Он подсказал, кто будет следующим донором. Предупредил, что менять прошлое можно, только очень осторожно, чтобы не изменить ход истории. Иначе вы очутитесь в другом мире, как у вас говорят, в параллельной вселенной. Мы будем следить за вами, в последний момент можем вмешаться. И ещё, пока вы находитесь на стадии экспериментов, не афишируйте своё изобретение. Пока люди ещё не готовы принять его.

Десять тысяч ушло за три дня, как пыль. Я никак не мог остановиться, и вот опять в запое и без денег. С трудом добрался до места встречи. Пацан усмехнулся такой ехидной не детской улыбкой и протянул мне стакан здоровья с огурцом. Я подписал весь пакет документов не глядя. Потом начались кошмары: комната поплыла, и я оказался в морге, синий труп налил мне фужер, от напитка пахло вином. Я отказывался, а трясущиеся руки сами тянулись, потом он мне дал вилку и стал выковыривать глаз из покойника, это была моя закуска. Глаз лопнул и разлился кучей зелёных соплей, из глазницы поползли трупные червяки, между зубами, во рту, тоже что-то застряло и шевелилось, пытаюсь выбраться наружу. Я помог, водки уже не хотелось. Через, минут десять,

я полностью отрезвел, при одном воспоминании о спиртном, процесс повторялся. Я уже не мог. Когда я, случайно, увидел себя в зеркало – оттуда на меня смотрел инопланетянин с зелёными лопухими ушами и таким же лицом, со знакомыми чертами опухшего скафандра. Старая сволочь Лёха предложила мне сигарету, я только успел сказать, что не курю, и всё началось сначала. Меня полоскало два часа. Организм очистился полностью, потом малой сделал мне две прививки, в голове закружилось. Меня покормили, я плохо помню, что толкал в свой организм, мне показали рабочее место, этот кабинет был похож на зубоучебный, в середине стояло кресло, опутанное проводами. Мне дали попробовать, Алексей Петрович подогнал его под мой вес и рост, было очень удобно. Мне объяснили, что пять дней я буду проводить в этом кабинете. Я опять спросил: – Что надо делать? Петрович опять ответил: – Ничего. Приборы всю работу будут делать за вас. В субботу, воскресенье у вас выходной, оплата по недельно. Ну что, приступим? И я сел в кресло, Вадик нацепил мне датчики. – Готов? – спросил Петрович. – Всегда готов, – пошутил я. Пошёл обратный отчет: – 5,4,3,2,1... Мать твою, где я? Такого мерзкого моря я никогда не видел, меня за руку держала какая-то женщина с выпирающими скулами, я ей был по пояс. Она показывала на бушующее море и корабль, который волны гоняли как щепку. Женщина смеялась и что-то говорила, прижимая меня к себе. Это был чужой, грубый язык, но со временем я дога-

дался, что это мой язык и я его понимал. Я посмотрел по сторонам, не было никого, не Лёхи, не Вадима. Я не знаю, как я сюда попал. Женщина шла к жилью, вход в который был накрыт звериной шкурой. Я кинулся догонять её. – Теперь, Ильм, ты главный мужчина в этом доме. До возвращения отца из города. Немного погодя, я понял, что мой отец был кузнец и глава этого клана, мне было четыре года и я совсем не разговаривал. Моя мать тоже не говорила, до моего рождения. Спасибо тётке Оле, она и мать разговорила и мне старается помочь. – Вот увидишь, Тала, будет говорить твой сын, – тётя Оля трепала меня по непослушным волосам, – ещё песни петь на праздниках. Мама была белой, как снег, тётя Оля была её противоположность – тёмная, как ночь. Они были почти ровесницы, и дети, почти одинаковые, у тётки Оли были двойняшки – мальчик и девочка, чуть старше меня. Я уже забыл, что был взрослым, прислушивался к непривычной речи, вовремя ел, спал, выполнял добросовестно всё, что положено четырёхлетнему мужчине. В конце недели моё детство кончилось, мне сунули двадцать штук деревянных и выгнали из Лёхиной квартиры до понедельника. Малого не было, улетучился. Видел на стенде: – Их разыскивает полиция. Проходил мимо супермаркета, два раза люди подходили, спрашивали, вам не плохо, молодой человек. Я – в магазин, только за хлебом и кефиром и пулей оттуда, до ближайшей подворотни.

Это был первый понедельник за два года, когда у меня остались деньги в кармане и не болела голова. Голова заболела позже, я не знал, что писать в отчёте. Тогда Петрович стал задавать наводящие вопросы. – Я не знаю, где я был. Нет, я помню: море, земля, корабль, какой-то дом, смесь пещеры с землянкой, закрытый плохо выделанной грубой оленьей шкурой. Да не помню, как меня зовут. Мама – Тала, тётя – Ольга. Я немой, язык понимаю, но не знаю, чей это язык. Какой год? Хоть убей, календаря я там не видел, икон тоже. Наконец Петрович перестал меня мучать, он был доволен даже этой информацией. Попросил запоминать всё, до мелочей, и отправил меня в полёт на следующую неделю. Я не помню, как сел в кресло, но открыл глаза на острове. Вокруг меня собралось всё племя, наверное, я был болен, хотя ничего не болело, у меня не было температуры. Оказывается, я два дня спал и чего-то боялся. Тётя Оля перестала прыгать и отставила в сторону бубен. Мальчик был здоров. Мне надоело валяться, и я побежал на улицу, там было интересно: ребятишки постарше состязались с палками, устраивая шуточные бои, поделившись на «данов» и «норвегов». Я был за «данов». Меня в игру не принимали, говорили: – Приходи через два года, у вас, наверное, будет свой отряд. За играми детей следили старые войны, время от времени, внося свои коррективы в игру. Особый упор делался на скорость, атака каждой из команд, поражала внезапностью манёвров. Сегодня победили «норвеги», они умудрились спрятать ры-

бацкую сеть и накинуть её на малочисленный отряд «данов». Старики заспорили между собой, но победа досталась «норвегам», единогласно. «Данов» оставили распутывать сеть, в наказание за поражение, а «норвеги» побежали к берегу. Там каждый день проводились соревнования по бегу с камнями. Дети делились на две команды, между командами было 500 ярдов и две кучи камней. Выигрывала та команда, которая быстрее перенесёт свои камни на чужую сторону, за нарушение правил удалялся игрок, он автоматически отправлялся к «данам», подведя свою команду. Дети старались не нарушать правила. Тот, кто падал случайно в игре, пропускал круг. У каждой команды был свой наставник, они же и следили за правилами. Взрослые даны были кто где, одни ушли на кораблях к берегам англов, другие, возглавляемые печником, строили жильё и укрепление на большом острове, небольшая часть викингов вела разведку на прибрежных территориях, беспокоя и подчиняя себе появившиеся кланы на этой земле, обкладывая их посильной данью. Борьба между странами шла и за смердов, от их урожаев зависела сила страны. Смерды вынуждены платить дань, а викинги защищать их от нападков. Разведчики вели больше пограничные функции. В глубине материка образовались сильные кланы, которые с помощью войск расширили свою территорию и влияние на народы, населяющие землю. Там был свой народ, свои конунги, они нас считали дикими, но относились дружелюбно, никогда не воевали с нами. Сколько было конунгов, столь-

ко и государств, это были дружинные государства, связанные одним языком, одной верой. Даны умели договариваться друг с другом, укрепляя союз между кланами браком детей. Через сто лет образовалось государство и конунги, объединившись, выбрали первого короля.

У Алексея стала вырисовываться картина: Денис попал в сферу влияния викингов, это был, приблизительно, 800-900 год нашей эры. Его удивило то, что религию, с новым богом занесли в Данию, именно, викинги, грабившие первые христианские храмы. В Дании не было крови и христианство не назойливо, мягко, объединило народ. Дальше Алексей Петрович не стал развивать тему. Ему конечно была интересна история о первом русском конунге, но он математик, а не историк, и лимит денег, оставленный гостем из будущего подходил к концу. Петрович расплатился с Дэном за неделю, а дальше, хоть проект закрывай, без донора никакой работы. Петрович открыл крышку электрического щитка со страшным облупившимся рисунком. По проекту эта насосная должна быть на консервации, Вадик передал ключ от замка с шифром. Щиток был полон новых хрустящих купюр и записка – 3,5", больше ничего. Это был ориентир для его эксперимента, он прибежал домой и переставил направление поиска на шкале, установив на отметке 3,5 дюйма. Английская мера длинны, как-то не вязалась с самодельным прибором, но заказывает музыку тот, кто понимает, как её танцевать. Ему было интересно, что ожидает их на этом горизон-

те, куда занесёт их прибор, в какую эпоху.

Дэна постоянно мучало чувство голода, древняя Дания приучила его к хорошо приготовленному мясу, а магазинную колбасу невозможно было есть, дохлые цыплята пахли канализацией и химией, как будто их специально прополоскали в отстойнике, перед продажей. На базаре тоже было – купи-продай, товар поменял кучу продавцов, прошёл через десяток грязных рук, за счёт приобретённых новых микробов и бактерий, цена на товар выросла на 100%. Деньги были и мясо можно было найти, готовить некому было, хоть женись. Дэн понимал, что из ста современных девушек, если одна могла приготовить вермишель, то это было класс! Выходные для него превращались в мучение, он ждал понедельника с нетерпением. Ему больше нравилось там, в прошлом, за интернет он давно перестал платить, все-таки натуральное лучше, чем нарисованное. Вот насобираю денег и тоже заберусь на какой ни будь остров, разведу коз и баранов и буду жить конунгом, а вокруг «Пятницы» в бикини. Денис улыбался, нормальных девушек ему не попадалось, а с этой работой – вообще, холостяком можно остаться.

Глава 3. Смутное время

Дэн был ошарашен, поел называется, он скакал на лошади под морозящим дождём, где-то выли волки. Одет, вро-

де бы, прилично, только одежда была странная, вышита по воротнику красными нитками, на ногах были короткие сапожки, очень лёгкие, а на голове широкая шляпа, которая почему-то держалась крепко и не слетала от быстрого бега лошади и от холодного колючего встречного ветра. Впереди маячили фигуры его попутчиков, только, в отличие от него, они были в чёрных одеждах. – Как ниндзя, – вспомнил Дэн. Этот раз сознание не двоилось, он знал, что из будущего, осталось познакомиться с тем, кто так мастерски управляет лошадьми. Дэн этих животных, только по телевизору видел. Впереди виднелось поселение, скит по-местному, всё обнесено трехметровым забором. Напарник долго стучал в ворота, кованным кольцом. Никто не открывал. Даже никто не подошёл к смотровому окну. Это не обескуражило напарников, они видно привыкли к «гостеприимности» местных жителей, один из ниндзя бросил «кошку» с верёвкой, зацепив крючьями что-то за забором, и через пару минут, ворота раскрылись, и мы въехали во двор. Ниндзя кулаком стал лупить в двери дома, потом вытащил просмоленный факел из – под крыльца, стал искрить огнём, тогда только дверь открылась. На пороге стояли мужики, с топорами и рогатинами. Ниндзя показал царский знак. Мужики расслабились. Хозяин оправдывался, вчера против татей оборону держать пришлось, дом отстояли, а скотину они увели, окаянные. Я присмотрелся к моим напарникам, по своей экипировке они были японцы, и похожи на японцев, говорили только чёрт

знает на каком языке, в котором русские слова повторяются как междометия и все невпопад, самое главное я их понимал, в отличии от хозяев дома. Я постарался перевести, что хотят басурмане. В глазах ниндзя проскользнуло уважение. Моментом истопили баньку, и под светом жировика, мы ополоснулись от дальней дороги. Я старался больше помалкивать, можно было неосторожным словом выдать себя, и когда ниндзя спросил: – Откуда ты знаешь язык руссов? Я ответил нейтрально: – Учителя хорошие были. Я был молод, но по силе не уступал напарникам, они в пути старались прощупать мой характер, а я шуток не любил, и когда, брошенный мной нож, вонзился возле уха шутника, всё встало на свои места. Мы спешили в Москву, ногайцы были отрядом по особым поручениям царя. – Опять спецназ, -ухмыльнулся я, – моя служба в российской армии растянулась на три года, а здесь предлагают продлить контракт. Напарник, наверное, не мог без шуток: – Всего 25 лет, но ты Айдар не унывай, здесь столько не живут. Он был прав, я ехал на место убитого родственника. Таков был порядок, царское войско должно быть полным, казнокрадство исключалось. Попробуй басурманам не заплати! А зарплату выдавали на душу в отряде. Царь собирал таких нехристей, которые и без казны могли обеспечить себя, но лучше не надо. Первую зарплату выдали Айдару ещё в улусе, он оставил её своему роду. На эти деньги род мог год жить безболезненно. Но этого я не знал. Утром побежал к роднику, умыться. Вода была холодная и

светлая, я заглянул в тенистую гладь ручья, как в зеркало, и отшатнулся. Ещё в бане я стал подтрунивать над своими кривыми ногами; из ручья на меня смотрела обезьяна с раскосыми глазами и коричневым проветренным лицом. Уши были, как у Чебурашки, здесь, наверное, не знают, где такой зверь водится. Ростом я уступал своим, выточенным из кипариса, напарникам. Не знаю, почему я понимал их язык, но мы, явно, были не с одного племени. Без понятия, кто эти ниндзя, но из воды на меня смотрел истинный басурман. Я представил невесту себе такую же, и меня передёрнуло. Да, уж, красотой, этот донор прошлого, не блистал, одни уши чего стоят. До пятницы, как ни будь потерплю, а там, пусть Лёха сам в эту обезьяну преобразается. После холодного душа у меня настроение пропало, я нехотя, поковырял мясо во время трапезы, только руки испачкал. Напарник опять не удержался от колкости, и не успел увернуться от деревянной ложки. Его еле успокоил другой ниндзя. Больше он меня не задирает, до конца пути. Дорога была длинная, мы 10 дней скакали, два раза меняли лошадей, в местах, известных ниндзя. В Москву приехали вечером, и опять в баню, к нам присоединился лекарь, он же брадобрей. Меня обрили наголо, лекарь внимательно осмотрел прибывшее чудо. Странно, что-то сбилось у Петровича, я запаниковал, неужели мне до конца жизни придётся в этом обезьяньем виде красоваться, зеркал в бане не было, но я представил себя, как низкого кривоногого лысого Фантомаса, с его идиотским смехом.

Я забыл, что не один, сымитировал смех киногероя. Доктор тоже, наверное, из ниндзя был: в бане, вмиг, никого, кроме меня не осталось. Когда я вылезал из проруби, со всех сторон к бане крался отряд ниндзя, с пищалями, копьями и сетью. Я спросил: – Братья не славяне, не меня ищите? Ха, ха, ха! Всё –таки они были ниндзя, умели летать и прыгать через дома, когда страшно. А пара человек в обморок упали и притворились мёртвыми, еле откачал. Глаза откроет, как видит моё лысое, улыбающееся лицо, мочится в штаны, и снова в обморок. Наконец один на разговор пошёл: – Лекарь прибежал, зелёный весь, говорит: – Мурза и Али шайтан привезли. С недоразумением мы разобрались, только я на всю жизнь имя своё потерял, все, даже царь, называли меня шайтаном. В городе я бывал редко, если честно, Москвы не знаю, но, если случалось мне пройти по улицам, возле кремля, прохожие, увидев меня, крестились, а маленькие дети плакали. Я уже больше месяца был в Москве, царь Иван хохотал, видя меня марширующим. Царь был стар, очень суров был и болел. Лекарь говорил у него белая болезнь была, страшнее проказы, мясо гнило и отваливалось. Царь умирал по частям. Отряд рассыпался на десятки, по заданиям, только я маршировал и маршировал... веселил царя. Иван царь умер неожиданно, было много слухов. Язык без костей. Его смерть, потянула за собой цепочку, отравили верных царю людей, меня прямо с плаца забрали в острог. Думал хана будет, здесь всё быстро делается, ещё при Малюте Скуратове камеры дознания под

Кремлём оборудованы были, там такие спецы работали, что мёртвого разговорить могли. Вовремя Лёха выдернул меня из того времени. Он что-то не договаривал, сказал: – Поломка была. Но деньги правильно заплатил, за целый месяц, 80 штук. Ой, хоть выплюсь! Новости по ящику посмотрю, а то там русский язык, хуже иностранного, хорошо хоть в чурку преобразился. Лёха попросил в понедельник не задерживаться, отчёт о работе надо было написать. Я решил попросить неделю заслуженных отгулов, не больно мне хотелось через подвалы проходить; непонятно, за что? Хоть тело чужое, а страдать мне придётся!

Такого я не ожидал, пришёл с работы, а донор исчез. Дверь на балкон открыта, полный двор полиции, инспектор пытается нарисовать фоторобот, хоть на словах. Соседа с первого этажа увезла скорая с инфарктом и шишкой на голове. Я спустился во двор, благо, ротозеев было пол дома. – Что здесь произошло? Одна из соседок поддержала разговор: – Представляете, Гарик собачек вывел погулять. Кому, как не мне не знать про его псарню? Каждое утро терпеливо жду на лестничной площадке, когда он своих людоедов выведет из подъезда. – А этот сумасшедший, как спрыгнет... всех собачек порезал ножом, а самой маленькой, горло зубами перегрыз. Гарик даже слова не успел сказать. Я представил, самой маленькой в этой псарне была пятилетняя овчарка, Эльза звали, что ли? – Гарик хотел хулигана остановить. Соба-

чек жалко! Этот варвар ударил Гарика кирпичом по голове и стал делать шашлык, прямо во дворе, разломав на щепки детский домик. Шкуры собачек он аккуратно на дерево повесил. Пока приехала скорая, он мясо пожарил и съел, а что не съел, с собой утащил. Я был в отчаянии, не знал, что предпринимать и как вытаскивать Дэна из прошлого. Донора полиция выловила на третий день, он явно был сумасшедшим, не разговаривал, а орал на непонятном языке. Его закатали в психушку, он в этот же день умудрился сбежать, обезвредив почти весь обслуживающий персонал. Мастера спорта с обладателями всевозможных данов, валялись балластом на больничном полу, связанные их же поясами. На этот раз поймали его на еду, обильно сдобренную снотворным. Проснулся беглец в специальной камере, пристёгнутый наручниками к стене. Пробуждение было тяжёлым, два дня орал, но его никто не мог понять. Влад появился через неделю, когда город уже стал забывать про этот случай. Извинился, говорит, что сигнал пришёл из центра, когда он в Туапсе вышивал. Спросил: где донор? Я указал ему ориентиры. К тому месту страшно было подходить, охранялось всё вооружёнными полицейскими, заборы под электрическим током, везде сирены, собаки и датчики движения. Он меня внимательно выслушал, попросил вызвать сварщика и сделать косметический ремонт. Деньги не проблема, чтобы быстро всё было. На следующий день у дверей моей квартиры стояли: сварщик, строитель, дизайнер. Ещё через неделю, никого не

было, а моя уютная комната, их стараниями, превратилась в рабочий кабинет психиатра, с креслом, похожим на средневековую дыбу, вмонтированным анкерами в пол. На входной двери висела табличка: «Осторожно, злой пациент.» Мальчишка пошёл к директору тюрьмы, не знаю, о чём они там говорили, но донора к нам привезли в тот же день, в сонном виде. После того, как сумасшедший очнулся, мальчик попросил меня погулять пару часов. Когда я вернулся, они вместе дружно учились петь гимн России, ужасно фальшивя. Больше у меня проблем с телом Дениса не было, донор даже ел, что дают и хоть цепей и наручников на нём было больше, чем проводов, он дотягивался до окна и с радостью встречал трамваи и прятался от пролетающих самолётов. Хорошо, хоть Влад телевизор убрал. Я вызвал Дэна, надо было подопечному дать отдых, да и беглец наш притомился. Влад всё наладил и снова пропал. Это было только второе наше погружение по новому направлению, а я так устал, как за всё время работы в институте не уставал. Дэн в понедельник выдвинул вполне законные требования, когда я почитал его отчёт, я понял, почему. Мне нужно было тоже много обдумать, я своего добился, пусть это не машина времени, но всё же... менять в истории я ничего не собирался, хотел развить ряд теорий, но с этими путешествиями в прошлое, у меня просто времени не было. Мне абсолютно не было интересно, что там творилось в первом или пятнадцатом веках, спасибо ребятам из будущего, что помогли мне с трансивером, но я

почувствовал, что меня имеют. Мне это не нравилось. Они дают мне направление поиска, они подыскали донора в моём времени, они курируют мою работу, квартиру, жизнь. Они платят деньги, которые я трачу на Дэна. Я, через Влада, передаю свои отчёты. Влада нет, откуда они узнали, что у меня проблемы? И что они ищут в прошлом, зачем это им? Я чувствовал, что это важно было для них, но действовал механически, как робот. Я ничего не понимал. Мне это тоже не нравилось. Дэн улетел на море, говорил, что на три дня. Выбрал Каспий, пансионат недалеко от Астрахани. Счастливчик! А тут сессия на носу и мысли дурные в голову лезут.

Как же донору не хотелось возвращаться в это время, он оттягивал до последнего, но где-то внутри него жил червячок любопытства и бесшабашности. Ему нравился азарт первооткрывателя. В прошлом люди жили настоящей жизнью, любили жизнь и защищали её. Дэн считал, что он жил именно там – в чужих образах, а не в компьютерном – магазинном царстве своего мира, где люди разучились общаться между собой, даже к занятию спортом относятся, как к зрелищу. Приятно посмотреть на придурков, расположив чипсы, открыв холодного пива и уткнувшись в экран телевизора. Нет, Дэн уже не мог так. Его тянуло туда, в тот мир, где пахло опасностью. По школе он помнил, что после смерти Ивана Грозного началась чехарда в руководстве страной, все рвали к власти, все лезли на трон. Это время называли смут-

ным, оно оставило после себя неприятный осадок. Его даже учителя истории старались пробежать быстро; противоречивые данные, спорные моменты в событиях сопровождали этот час. Кому-то было выгодно вычеркнуть этот период жизни из истории государства, превратив его в хаос. Кто-то, что-то пытался скрыть от народа и от будущих поколений, исказив историю этого времени. Но во имя чего? Вздохнув глубоко Дэн расслабился в кресле, наблюдая, как Петрович колдует над приборами.

На этот раз, погружение в прошлое, встретило сюрпризом – вместо лопоухого Айдара, Дэн очутился в теле какого-то нищего. Он был грязным и не стриженным, в волосах ползали жирные вши. Айдар, конечно был не красавиц, не повезло видимо парню, но такой гадости от машины чистоплотный Дэн не ожидал. Выбирать не приходилось, путешественник во времени осматривался. Он узнал стены собора, это было недалеко от центра Москвы. Паперть Архангельского собора наверно и была его рабочим местом. Имён для этого люда не существовало, брезгливость и жалость был их удел. Можно было целый день простоять на коленях ради куска хлеба, за который, непременно надо было благодарить бога. За нищими всегда присматривал служитель собора, от которого утаить копейчку было делом немислимым, своя же братия тебя в оборот пустит и прогонит с насиженного места. Только в городе, далеко от собора можно было пожитья мелкой деньгой. Из проезжающих экипажей броса-

ли горстями мелочь в сторону нищих. К Дэну подошёл паренёк, лет 14, босой в грязной порванной рубахе, но в чистых, вылинявших портках: – Чага, пошли на Александровский тракт, там послы иноземные во Владимир собрались. Вот я и определился со своей кличкой. Я молча поплёлся за юношей. За спиной у меня была котомка, со всем моим ценным личным имуществом. Действительно, мимо нас пронесли экипажи с закрытыми кабинками. Впереди, и сзади ехали верховые в польской одежде. Воинов-охранников Речи Посполитой, можно было узнать издалека. Пройдет совсем мало времени, и по этому тракту, в последний путь отправится прах царя Фёдора Ивановича – сына Ивана 4. На нём прерывалось правление Рюриковичей. Бояре избрали нового царя – Годунова Бориску. Меня малой привёл к тайному входу, которым давно никто не пользовался. Вход вёл в подвалы Архангельского собора, наша братия состояла из пяти человек, больше мы никого не принимали к себе и гнали всех посторонних от места нашего убежища. Здесь, даже в суровые зимы, было тепло. Каждый доставал свою прибыль и Мира готовила обед. Частенько приходилось обходиться тюрей и полбой, но с голоду не умирали и жиром не зарастали. Двое мальчуганов работали, в основном ночью, они растворялись с наступлением темноты, их звали Томяк и Калита, иногда они брали с собой Миру. Пятым был Солдат, он был главным среди нас. В наши времена, таких специалистов называют шулерами. Солдат легко обыгрывал в кости любого в

этом городе, а если учесть то, что он не брезговал завладеть тем, что плохо лежит у дышащих перегаром, да и молодёжи иногда помогал пройтись по амбарам, этот человек был на своём месте. Из грамотных был только я – Чага, по версии нищих, я был из монастырских слуг, наученный грамоте и выгнанный из писарей за мзду. Ко мне обращались все, кому надо было что объяснить или написать. Бумага и чернила стоили дорого, но у меня всегда в запасе был готовый набор и бумаги и перьев. Ни одно прошение не проходило мимо моих рук в этих местах. Здесь был разный люд, от убийц и воров, до бывших служивых и боярских слуг. Благодаря своему таланту, я знал всю политику преступного мира, и у меня водились деньги, которые я не держал при себе, а старался пустить в рост. В соборе пропадали свечи, служащие обыскивали наши котомки и всё более-менее ценное попадало в добровольное подаяние. У Солдата забрали царскую милость, за взятие Казани, и он разозлился. Тогда в наших кельях, кроме золотых образцов, появилось медное зеркало, гребень и ножницы. Никто не знал, для чего их взял Томяк, и как ими пользоваться. Я попросил, а ещё бадью большую и пару лоханок. Калита смотрел на нас, как на придурков, но не перечил, он знал, где это можно взять так, чтобы никто не видел и подозрение упало не на нищих. Неделя быстро пролетела. Вечером в пятницу я очнулся в кресле, рядом стоял чесался Петрович. Я спросил его, что с вами. Петрович смутился, оставил руки в покое: – Это. Ах это на нервной поч-

ве. Я, понимаяюще усмехнулся. Мне хотелось прийти домой, принять душ, нет – «утонуть» в ванной, а завтра сходить в самую дорогую баню, с сауной и бассейном. И два дня не вылезать оттуда. Я мог себе позволить, только в нашем городке совсем не осталось бань, в частном секторе, что ли? От такой несправедливости я пошёл на следующий день в парикмахерскую и постригся на лысо, в знак протеста, против произвола городской грязи. Моё вымытое лысое тело отдыhalo. Петрович сам пришёл в гости, хотя я его не приглашал. Он не выдержал до понедельника, пришёл пожаловаться. Подопечный его допёк за неделю: всё время чесался, пел молитвы, плевался в окно, называл меня дьяволом и прятал объедки в какую-то тряпку, вместе с пластиковыми ложками и тарелками. Воду из крана не пил, сказал, что в Москве вода вкуснее, а эта мочой воняет. Газировку вылил на пол, сказал от нечестивого, а сам (— — —), как из лепрозория, чистюля, блин. Я уже не знал, чем его кормить: картошку не ест, рыба – змеиная пища, колбаса – дохлятина. Хлеб и молоко с базара. На всё остальное пост. Как ты с ними работаешь? Но увидев моё лицо, успокоился, я думаю от меня он сразу в парикмахерскую подался.

В понедельник я задал вопрос Петровичу: – А, что ищут твои начальники? Может быть я чем-то смог бы помочь? А то, пишу отчёты, как казах, что вижу, то и пою. Петрович пожал плечами: – я задавал этот вопрос Вадиму, тот ответил: – Ваше дело наблюдать и записывать подробно всё что

видите, без при украшений и вымысла. Я лёг в кресло.

Над ним смеялись, особо досаждала Мира. Солдата не было, дисциплину поддержать было некому. Калита просил рассказать ещё раз, как я побывал в гостях у дьявола, и он пытался меня накормить ослиным дерьмом, а вода бежит из медного вымени прямо в хоромы, а живёт дьявол на небе, а внизу колесницы без лошадей ездят и едят людей, а кости за городом выплёвывают. Они не верили, вот если бы их туда дьявол забрал. Они бы увидели, что я не вру. У дьявола даже запах особенный, пахнет цветами, Чага окончательно проснулся, было темно, но этот дьявольский запах и здесь достал. Он почесал свою голову и заорал в ужасе, головы на месте не было, вернее она была, но это не его голова. Чага в ужасе разбил две преграды и по какому-то хитрому парапету выскочил на улицу. Вокруг стояли столбы и на каждом висело маленькое солнце. Чага подумал, что все безголовые, рано или поздно попадают в рай. Надо было дожидаться архангела, и он проводит тебя в чистилище. Чага сел на ступеньку и закрыл глаза, наверно глаза были отдельно от головы.

Алексей увидел подопечного на крыльце, перед подъездом. Тот безумно тарашился на мир и провожал уходящие трамваи. Придётся ночевать дома, – подумал я, – вариант с дачей отменяется. Взял Чагу за руку и тот без сопротивления пошел за мной. Пока я говорил по мобильнику с оператором ЖЭКа, он смотрел на меня и в мой рот. Что он мог

там увидеть? Подопечный, впервые, не стал привередничать и поел всё, что я принёс с чаем. Раньше он к этому компоту из травы, даже не притрагивался.

Глава 4. Тайны старых подвалов. Театр начинается с вешалки

Ребят не было, я стоял с мокрой тряпкой, возле стены стоял Солдат и бредил, он был не в памяти. Иногда приходил в себя, пытался что-то сказать про Углич, про царя Фёдора. Прикипел он к этому блаженному. Говорил, что литвины уничтожить его хотят. Он слышал... и опять старый воин терял сознание. Дэн помнил по истории, что, царя убили и выдали это за несчастный случай, мол, царь сам виноват. Не с Федора Ивановича всё началось, не им и закончилось; единственно он был виноват – что царь. Солдату, видно, хорошо досталось, отходил уже. Так вышло, что они в один день с царём предстали перед богом. Не знаю, может в гибели царя виновата Речь Посполитая, но интриги уже плелись на разных уровнях. Народ невлюбил Годунова, примазался он к царю Ивану, ещё будучи в опричнине, сам некрасивый, хитрый, окрутил всё окружение, его не любили и боялись, и его, и Малюту Скуратова. Сваты они были. Некоторые говорили, это Бориска царей приголубил. Но за такие слова и на дыбу можно было попасть.

Молодёжь боялась появляться в подвалы, чтобы покой-

ник не снился, пришлось мне одному его в последний путь готовить. Подвалы собора больше похожи были на лабиринты, тянулись под кремль и вглубь Москвы. Я искал могилу для Солдата и случайно наткнулся на подземный некрополь. Здесь уже готовы были ячейки, я шёл вдоль вмонтированных в землю саркофагов и читал надписи на тяжёлых крышках, вытесанных из песчаника: – Преподобный Лука, преподобный Никодим, преподобный Амвросий... , придётся этим преподобным подвинуться. Солдат не имел имени, только медный крест на шее и любовь к отчизне. Я молча задвинул плиту. Задумался и когда шёл назад, заплутал, забрёл в какие-то катакомбы. Здесь были кельи, чувствовалось движение воздуха, даже была деревянная мебель, в каждой келье были лестницы, похожие на стремянки. Меня заинтересовало это место, я поднялся по одной стремянке, в стене был незакреплённый кирпич, я вытащил его. «Кирпич» был точной имитацией из дерева. Но не это поразило меня, я услышал, как переговаривались служанки. Они убирали чью-то спальню. Звук был настолько чист и сочен, как будто я находился в римском Колизее или в древнегреческом театре. Это было слуховое окно. Я слышал о подобных шпионских «аксессуарях», но увидел впервые, я никогда не думал, что в прошлом были настолько совершенные технологии. Сколько же людей полегло, при строительстве этих подвалов! И почему люди перестали пользоваться этой возможностью, заглянуть в чужую жизнь, хоть краем уха? Мне потом,

я уже не помню, при каком погружении, удалось разгадать эту несуразицу по одной костяной пуговице, закатившейся в щель, между плитами пола. Этот подвал был тайными комнатами Малюты Скуратова, внезапная смерть которого и закрыла надолго эти подвалы от людей. Я старался запомнить схему этого лабиринта, чтобы нарисовать по памяти там, в будущем, может пригодится. Через эти кельи, царский пёс – Гришка Бельский, прослушивал половину Москвы. Подвалы тянулись далеко и везде были «уши». О своём открытии я рассказал Алексею Петровичу. Даже схему по памяти нарисовал. Петрович подколот всё к отчёту. Жаль конечно, что проверить нельзя, вся территория вокруг кремля, включая соборы и кремлёвские башни – вотчина госбезопасности. Никто там посторонним путешественникам во времени копать не разрешит, а если и есть где-то тайные входы и выходы в святая святых государства, то на каждом дежурит не менее роты солдат с синими и малиновыми околышами. Но нам в столицу не надо. Я уже не знал, что придумать с накопившимися рублями. Жильё у меня было, доллары не нужны, время такое, что они в один миг в бумагу превратятся могут. Машины, гаражи меня не впечатляли. Хоть благотворительностью занимайся, блин! Что за свойство характера такое, чуть появляется излишек, надо его пропить. А, если бросил пить, то смысл жизни утерян.

Петрович вспоминал оцепенение подопечного, когда он

увидел зеркало в туалетной комнате. — Это был дьявол, у него совсем не было волос на голове, он висел на стене и пере-кривлял меня. Я боялся моргнуть, дьявол только и ждал этого, чтобы утащить мою душу в преисподнюю. Я уже забыл за-чем сюда пришёл. Старика зовут Ляксей, но Петрович при-вычней. Солдат тоже Петровичем называется. Ляхи побили его крепко. Старик говорит, что это уборная в хоробах и по-казал, как это делается, а я боюсь, вдруг кто оттуда вылезет, или схватит и откусит корень. Ещё на загогулину нажимать надо. А, была, не была! Странно, никого, вода всё смыла. Дьявол снова появился, без портков, бесстыдник. Ляксей го-ворит, что это дзеркало. Врёт, дзеркало я у владыки видел, медное, а там в стене дьявол живёт, у него на голове воло-сы не растут и из пасти огонь вырывается. Чага открыл рот, и запутавшись в штанах, упал в туалете, испугавшись отра-жения в зеркале. Для него было столько нового, страшного и непонятного в этом мире. Хорошо, что квартира находит-ся в спальном районе. Здесь и транспорта поменьше и люди культурней. Чага съедал всё, что ел я, он не говорил, но ему понравился йогурт и пирожные, из первых блюд он вылав-ливал всё, что в них плавало, а воду в туалет выливал, это я его приучил. Соседям объяснил, что брата мне привезли, умственно отсталого, так теперь все мимо моей площадки, через две ступеньки прыгают и оббегают меня десятой доро-гой. Два раза мы выходили в магазин, охрана подопечного не пустила, сказала, что с придурками вход воспрещён. Пом-

нят, как прошлый раз посетитель две булки хлеба сожрал, а редьку в трусы затолкал. Я, то, оплатил всё, объяснил с кем общаться приходится. Тяжёлый случай! Охрана запомнила. Бедный Дэн, ему лучше не ходить по нашим магазинам, рекламу я ему создал, обалденную. Подопечный по тихонько привыкал и к квартире, и к туалету, не убегал от спускаемой воды в унитазе. Ему понравилось купаться в тёплой ванной, пол дня я потратил на то, чтобы затащить его туда. Только зубы не научил чистить, он пасту съедал тюбиками. Наконец, мы оба чесаться перестали, при этом Чага обвинил меня, что это я его заразил чесоткой.

Первой банный день устроила Мира, выгнав нас в город. Девочка быстрее всех сообразила о полезности собранных нами вещей. Я ей помог воды наносить и костер разжег под медной шайкой. Мира в женском монастыре выпросила кусок мыла и настой трав от «зверья» в голове. Я посоветовал ей проварить бельё. С этого дня у нас началась борьба с нашими братьями меньшими. Братья побеждали. Пока Мира, вместо трав не начала скипидар применять, и не ложилась спать, пока тайком, не обмажется этой дрянью. Она и ребят приучила. Запах стоял такой, что я боялся, с паперти погонят в каретный двор, там скипидаром оси колёс смазывали. Он стоял в бочке, прям на улице, никому не нужный. Оттуда его ребята и таскали. Среди нас были свои лекари и химики, для лечения болезней и дёготь применяли, а я не знал. Ко-

гда я волосы на голове состриг, смеху было: – Ты теперь, как тот дьявол безволосый. Я не понял, это он о чём, но промолчал, не отреагировал на реплику Калиты. Калитой его ещё в детстве прозвали за котомку, которая была в два раза больше, чем малец. Томяк наколол лучины, пропитал дёгтем, на всякий случай. После смерти Солдата, я был старшим и командовал отбой. С последними лучами солнца начиналось время сказок и различных историй. Ребята любили пофантазировать, я и засыпал под их мерный разговор. Вору мечтали быть принцами, воинами, а Мира – кухаркой при дворе, это был предел её мечтаний. Ночью «принцы» просыпались и шли на работу. Они гордились своей профессией, работали только вдвоём, изредка привлекая Миру. В удачные дни, хвалились друг перед другом: – А, я так, и в нору, а он застрял и остался без шапки. Я с горы на портках и вбок, а он мимо пролетел и в прорубь. Пока в проруби бултыхался, Калита весь воз освободил. У нас, если была солонина, то бочками, так же мёд и грузди. И осетра ребята «ловили», мы не успевали печь на углях. Мы с Мирой обеспечивали артель хлебом и деньгами, так и жили. Пока не настал голод. Лёха удивлялся, а я никак не мог наесться, моё тело здесь в бочонок превратилось, Лёхины соседи смотрели на меня перепуганными глазами, уж больно я им подозрительным казался. А мне наплевать, двадцать штук в кармане и домой, в душ и в постель. От прошлого тоже устаёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.